
В утренней тиши лишь трич да треч –
Это мама спозаранку затопила печь.
Сонные глаза смыкаю ненадолго...
Счастье моё детское одеялом теплым
Умягчу, укурю – душеньку потешу
Нынешним покоем, будущей надеждой.

Все это со мною так недавно было:
«Маленькая печка в утренней тиши...».
– Радость моя, детство, ты куда уплыло?
Я ж тебя молила, только не спеши!
Потому что знала, иль напела печка –
Что такое счастье не бывает вечно...

В утренней тиши лишь трич да треч...

Кому в этом мире так нужна дорога,
Как человеку-коми, вросшему в нее нутром,
Душою всей, кровью... во славу Бога
Бредущему? Ноги знают, где мир и дом.

Рюкзак привычен, покуда длинна дорога,
И писк комаров торопит: вперед! вперед!
Но ляжет печаль на сердце – легко, немного –
И душу ласкает, всё-всё, что в дороге ждёт.

До жалоб ли, если к дому вела дорога
Из самой погибели, из далекого далека,
Любя во мне человека – судила строго,
И это загад дорожный – ей-ей – богат.

Кому в этом мире еще нужна дорога,
Как человеку-коми, живущему ей одной.
Смотри, все бредет... но к дому выносят ноги,
Да хоть умирать... все в радость в земле родной.

Может мне давно уже вернуться
надо было к роще на ветрах.
Надо... Надо...
только в тех мирах
оказаться я чужой боюсь.

Старый дом признает ли меня,
и калитка радостно ли скрипнет?
Если окажусь я не «своя»,
у порога радостно кто вскрикнет?

И откинет чья рука замок,
и, обнявши, кто проводит в дом?
Видно свой всему есть в жизни срок,
и сейчас признаться надо в том,
что давно пора вернуться было
к роще, меня ждущей на ветрах;
надо... надо...
но сильнее страх
«не своей», чужою быть, немилрой...

Возле дома яблоком не пахнет...
Яблоням не в радость климат наш.
От морозов только щеки красны.
Яблока же кожица нежна.

Здесь ветра порывисто студены...
Ласка и тепло нужны плодам.
Мы с тобой привыкли к холодам.
Розовеют щеки у влюбленных...

Нас не испугают ветры жизни,
пусть лицо обветренно горит –
щек румяны яблочки поныне,
спелы, поцелуя ждут они.

Возле печки русской коми-бабушка
и печет и варит утро каждое:
собеседницы они знатные
и подруженьки-то желанные.

Помню, ела я с пылу, с жару
Шаньги-шанежки, колобки...
Печка с бабушкой пекли-пели
на два голоса песнь одну.

Печка в доме моем была русская,
В коми-доме – родном в веках.

В тех края, где в снах мы оба бродим,
обжиться мне еще не время,
подожду, жизнь и меня проводит –
беспробуден сон в тех дальних землях.
Но с тобою встретиться мне надо,
разговор земной в веках продолжить:
на мосту серебряном свиданье,
где вода, как жизнь бурлит под кожей...

За мной приезжала на розвальнях бабушка ночью.
У Господа много обителей в мире ее.
Там стать Человеком не будет возможности точно
И там, говорят, все бесплотное... даже жилье.

А здесь я привыкла, пусть в доме живу небогатом,
но чай мой душистый всегда на столе по утрам,
и в окна заря полыхает, мы с доченькой рады
нежданному счастью, как бабушка вышним дарам.

Бабуля, родная, пойду, распрягу твою лошадь,
пускай попадется на воле ошастый денек –
там, средь облаков... у меня еще травы не скошены,
и много хлопот день-деньской... и покой твой далек.

Расскажи мне сказку, сказку Расскажи
обо мне, но завтрашней... пусть радость
будет и не часто в нашем доме жить.
Радости, поверь мне, не бывает мало.
Расскажи мне сказку, пусть не обожет
малую надежду будущего дня
сочные крапивы листья да осот
на тропинке к дому, к дому без тебя.

Не рождается солнце на западе – верила,
Пока мир не встал с ног на голову.
Я белым светом жизнь свою мерила,
А он – на авось попер, на удалого...
Говорили мне, что бывает так, когда
В нелюбви человек устает от себя самого...
Солнце мое, нараспашку двери и окна мои – всегда,
И печь затоплена, и у любви нет берегов.

Не торопи, не зажигай, успеем...
Лист золотой, куда теплит день,
ночь не нужна с томительным бездельем,
ее не пустим в дом мы даже тень.

Пусть бродит где захочет, но поодаль,
ей силы испугать нас не даны...
Лист золотой души моей свободен.
Студеных ветров буйства не страшны.

Лист жизни золотой спасает душу
год не один, успеть бы все прожить...
Когда же хлада внешнего не сдюжу...

...Об этом думать нечего спешить.

Перевод Бориса ЛУКИНА